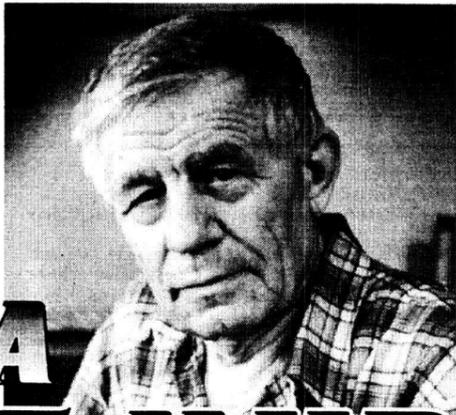

Эта фраза моментально вспомнилась, когда речь зашла об открывающейся сегодня персональной выставке и ее авторе — нашем студийце, строителе города и комбината, художнике Анатолии ЗАБОРСКОМ.

КРАСОТА СПАСЕТ МИР

Фраза Достоевского — результат его титанической борьбы со стихийными процессами, скрытыми в личности человека. Эта фраза — гениальное прозрение художника, одновременно загадка века и ключ к разгадке главной тайны человечества. Отношение к ней — от скепсиса до глухого беспокойства души — как пред Именем Высшим.

Анатолий Андреевич Заборский начал свою трудовую биографию в 1946 году водителем автотранспорта треста Магнитострой. Строили комбинат, строили город. Строили объекты за пределами города: в Челябинской, Тюменской областях. У него параллельно с работой — занятия изобразительным искусством в изостудии левобережного Дворца культуры металлургов под руководством Соловьева Георгия Яковлевича, а затем Павлова Владимира Петровича. При любой возможности — с коллективом на пленер, за город, в горы, к полевым цветам, рассветам и закатам. К общению вольному и жизнеутверждающему. И в командировках постоянные спутники в дороге — этюдник, краски, бумага, картон. Наблюдения, размышления и главное — деятельное начало. Энергии этого человека не перестаю восхищаться. Источник ее — любовь к краткой Творения. Он успевает всюду: в семье, труде, коллективе. И везде надежен, тверд и доброжелателен, искренне открыт и неравнодушен, терпим и тактичен. И очень важно — независимый, редкий дар уметь искренне радоваться любому чужому успеху в творчестве.

Как художник он сложился в сороковые и пятидесятые годы, когда художественное начало складывалось на постпередвижнических тенденциях, закрепленных социалистическим реализмом. Умея видеть и радоваться всему, что открывает сегодняшний день, он тем не менее верен себе, своему стилю. Он рад возможности держать кисть и без усталости радоваться цветам, пейзажу, изо дня в день повторяя мотивы, наделяя их новым чувством, восторгом.

В зале картинной галереи на выставке студии живописи и рисунка левобережного Дворца культуры металлургов перед работами Заборского я услышал восторженную реплику: «Ну, пацан!» Это воскликнул давний студийец, хорошо знающий Заборского, давно не живущий в Магнитогорске и приехавший погостить. А «пацану» восьмой десяток лет. И он этой реплике, я думаю, не воспротивится.

Когда-то увидев деревянную скульптуру и, видимо, залюбовавшись теплотой ее фактуры и «произрастанием» формы, Заборский решает попробовать себя в этом жанре. Так помимо живописи появляется деревянная скульптура. Забавно наблюдать его за работой: крупные натруженные руки, быстрые и широкие движения, а в руках небольшое полешко древесины и стамеска. Быстро и стремительно решает основную задачу. Не мешкает и с отделкой формы. Лишние детали отсутствуют, и тем не менее вроде как бы загадочно появляются и здесь цветы, теплота солнца, поклонение красоте. Это — Заборский. Он верен себе.

Ловлю себя на мысли: обращаясь к образу этого художника, в попытке увидеть его, каким знаю, я леплю образ счастливого человека. Скорее всего, так оно и есть. Что это? Счастливая судьба? Счастливы дар судьбы? Тогда что же это такое — счастье? Ведь за плечами этого человека, как и

у многих из его поколения, поношения в детские и юношеские годы, голод, концентрационные лагеря в Германии, постоянный труд в послевоенные годы... Как находится в этом потоке место открытости, способности поделиться радостью с людьми, делиться только хорошим? Понимаю, что нет необходимости отвечать на эти вопросы, показывая пример достойного преодоления трудностей бытия.

На выставке предполагается разместить до 100 работ. Параллельно будет развернута экспозиция городской осенней выставки. Хорошее соседство. Должен получиться настоящий праздник. Остается дожидаться технической возможности устройства этих экспозиций и где-то в октябре прийти в галерею поздравить всех участников и ветерана труда и культурной жизни города Заборского Анатолия Андреевича.

Поздравить и сказать добрые слова.

Е. БЕЛИЦКИЙ,
руководитель студии живописи
и рисунка ДКиТ ОАО «ММК».

НАШ ВЕРНИСАЖ

70-ЛЕТИЮ МАГНИТКИ

ШАНХАЙ, ЕЖОВКА

И КАРЛ МАРКС

...«Вот сейчас дотюхчу до «Бороды», а потом до «Лысины!» пересяду» Как вы думаете, о чем это?

А между тем, все очень просто, если перевести со студенческого сленга на литературный русский: «Вот сейчас доеду до остановки «Карла Маркса, 115», а потом пересяду, чтобы доехать до проспекта Ленина!» Проще не придумать. А что касается не слишком почтительного отношения моего юного собеседника, с ходу выдавшего однажды мне эту фразу, к истории философской и политической мысли, — так его ли в том вина?

Вслушайтесь, а главное — вдумайтесь в названия некоторых из наших трамвайных остановок: «Кирова, 70», «Электросети», да та же «Карла Маркса, 115»... Что это — наше российское безразличие к тому, в окружении чего и почему живем? Ведь названия улиц, проспектов, переулков, скверов и бульваров, даже изменяясь в ногу со временем, должны отражать историю города, в котором ты родился, вырос и продолжаешь жить по сию пору.

Давайте заглянем с вами в названия улиц и районов прежнего, «левобережного», Магнитогорска. Рабочий поселок Ежовка носил свое имя, разумеется, не в честь верного приспешника «отца народов» наркома внутренних дел Ежова, а в память о первом шайгере Ежове, организовавшем еще в XVIII веке разработку горы Магнитной...

По названиям улиц поселка можно было безошибочно судить о том, чем занимался его рабочий люд: Горнозаводская, Горнорудная, Слободская... А на западном склоне горы Магнитной притулились два горняцких поселка с малой разницей в названиях: Большой Шанхай в 8-9 рядов землянок и Малый Шанхай, где землянки тянулись только в два ряда вдоль оврага с высокими берегами аж до нынешней трамвайной остановки «Луговая». Народу здесь проживало великое множество. И, видно, кто-то из застройщиков этих «коттеджей» побывал в свое время на русско-японской войне, доблестно до Чемульпо, повидаль японский Шанхай и его фандзы — «лачуги», по-нашему. А дальше невольное сравнение возникло само собой...

Параллельно Малому Шанхаю, там, где выросла рудообогатительная фабрика, с запада на восток шла улица Ай-Дырля (в переводе с казахского «айдар» значит «возвышенность», «чуб»). На самой же фабрике работал в то время еще никому не известный «товарищ Исаев», любивший в свободное от работы время вычерчивать конструкции промывочной фабрики прямо на освободившихся конвейерных лентах «Саймона», «Панфидера», «Трайлера» и «Робинса». Чертежи эти затем обретали плоть — по ним сваривали и монтировали систему промывки. А сам первостроитель-горняк Алексей Михайлович Исаев, спустя годы, заявил о себе как талантливый инженер-конструктор — создатель моторов и двигателей для российских космических кораблей. Так почему бы сегодня трамвайную остановку «Луговая» и прилегающую к ней улицу не назвать в честь конструктора Исаева, имя которого занесено ныне на скрижали истории отечественной космонавтики? Чувство гордости за свое прошлое нам должно быть не чуждо!

Гимном эпохе социализма стало в далекие 30-е строительство первых доменных печей Магнитки. Здесь, на Магнитострое, воплощал и передавал свой опыт молодежи выдающийся инженер-конструктор Николай Григорьевич Кизименко. С 1931 и до 1954 года проработал он в заводеуправлении комбината. Никуда не уехал из Магнитки. Похоронен был на Левобережном кладбище неподалеку от Григория Ивановича Носова. А дорога к его дому шла когда-то от памятника С. М. Кирову на Малую Пионерскую улицу. Так почему бы не подарить ей ныне имя Кизименко? Какие еще доводы здесь требуются?..

Нет на карте нашего города и имени Ивана Ивановича Неплюева — предводителя большого отряда конных и пеших казаков, по отряду Яика переправившегося в середине XVIII века к подножию горы Магнитной и приказавшего заложить на месте сегодняшней Старой Магнитки казачью крепость. А как звучало бы се-

годня для потомков, скажем: «Площадь Ивана Неплюева!» Это вам не «Карла Маркса, 115» или «Магазин «Диета» — безликие названия, сообщающие горожанам разве что какие-то ориентиры. Ведь когда я попросила совершенно не знакомых друг с другом людей на мгновение вдуматься в номинально-номерационные «прозвища» наших улиц и трамвайных остановок и объяснить, что они, собственно, означают, ответы были весьма разнообразны по эмоциям, но одинаковы по смыслу.

— Что значит «Кирова, 70»? — переспросил меня один из работников коксохима. — Да ничего определенного. Может, ширину посадочной площадки трамвайной остановки, а может быть, рост Кирова — хотя трудно представить себе такого карлика. «Карла Маркса, 115» хоть с длиной бороды классика марксизма связать можно. Шучу, конечно...

Другой мой собеседник высказался еще определенной:

— Название остановки «Карла Маркса, 115» — это издевательство над своей же историей! Правдивей бы звучало: «Здесь никогда не был Карл Маркс»...

Вносились и предложения. Один из земляков припомнил вдруг, как еще дедушка рассказывал ему про батыра-бригадира Нурзулла Шайхутдинова, строившего плотину через Урал. В сорокоградусную стужу нырнул он однажды за выскользнувшим из рук ломом: «Ух, шайтан железный!» И лом Нурзулла достал, и бригада его земляков в 36 часов выполнила декадное задание.

— Имя Нурзулла, — заметил рассказчик, — мой народ чтит наравне с именем Гриши Галиуллина. Но почему-то имен первостроителя Магнитки очень мало в названиях улиц построенного ими города...

И это правда. Нет сегодня в Магнитке ни улочки, ни проулка, носящего имя азербайджанца Чингиза Ильдрыма. В 30-х годах был он исполняющим обязанности начальника строительства молодого города. Нет даже мемориальной доски, увековечивающей имя Героя Социалистического Труда Л. Г. Анкудинова. В те же 30-е, будучи больным туберкулезом, он, вопреки медицинским запретам, руководил работами в лихую стужу на строительстве II плотины. Но эти имена, как, впрочем, и имена очень многих энтузиастов-романтиков, возводивших комбинат и город в двух частях света, а позже трудившихся ради процветания Магнитки, сегодня оказались подернуты дымкой времени.

Впрочем, и среди наших современников, оставивших по себе добрую память, найдется немало достойных героев. Например, есть в городе знаменитая школа №65, носящая имя ее директора Бориса Павловича Агапитова. Он был не только истинным директором, но и настоящим учителем, воспитателем молодежи. И может быть, «Школа имени Агапитова» будет звучать для магнитогорцев куда красноречивей, чем нынешнее «технократическое» название близлежащей остановки трамвая — «Горгаз»?

Улицы и проспекты Магнитогорска достойны носить имена умных, мужественных, сильных духом людей, создававших его биографию. Кстати, стоит, наверное, навести наконец порядок и с названиями «близнецами», каковыми становятся невольно улицы, названные в честь однофамильцев. Многим до сих пор, например, не понятно, чьим именем названа в нашем городе улица Ворошилова — «донецкого слесаря и боевого наркома» Климента Ефремовича или поэта-землекопа Александра Ворошилова? Ведь в тексте мемориальной доски, которую должны были установить на одном из домов согласно решению №168 заседания Горисполкома от 27 мая 1977 года, констатируется однозначно: «Улица маршала К. Е. Ворошилова (1881-1969 гг.)». Однако несколько лет спустя Н. Г. Кондратовская на страницах «Магнитогорского рабочего» утверждала, что улица носит все-таки имя Александра Ворошилова (см. «МР» от 3.11.88 г.). Так где же истина?..

И не стоит, как многие из моих собеседников, бояться непомерных расходов на смену «дошечек» на домах и трамвайных остановках в связи с переименованиями. Денег на это потребуются сегодня куда меньше, чем на восстановление впоследствии истории легендарной Магнитки, так несуразно и похода задвижной в дальний угол нашим благодарным временем...

Д. ПЕРЕСКОКОВА,
старожил Магнитки.